

в мире красок,

ВЫСТАВКА: «МЫ СТРОИМ КОММУНИЗМ» ●

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

А рояль остался другом...

Сегодня у нас в гостях солистка Большого театра Белорусской ССР народная артистка республики Людмила Ивановна ЗЛАТОВА.

— Людмила Ивановна, музыкальное училище вы закончили по двум классам — фортепиано и вокалу. Две такие разные специальности... Неужели так и мечталось сразу о двух профессиях?

— Нет. Мечта была одна.

— Стать певицей?

— Не угадали. Спала и видела себя пианисткой.

— Честно говоря, неожиданный ответ...

— Ну, тогда расскажу, как говорится, по порядку... Конечно, любила петь с детства. Кто в детстве не поет? Но о том, что у меня есть голос, знала, пожалуй, только мама. В школьной художественной самодеятельности я... танцевала. Любовь к музыке привела меня в Ужгородское училище, на фортепианное отделение. И вот там однажды педагоги случайно услышали, как я пою «Соловья» Алябьева. Услышали и предложили заниматься параллельно на вокальном отделении.

— Это и был, так сказать, определяющий поворот судьбы?

— И опять не угадали. Решение посвятить себя пению пришло позже. Диплом пианистки училище мне выдало «с отличием». С ним я и подавалась в Московскую консерваторию — с целью опять-таки стать пианисткой. Но... Ох, сколько в жизни этих «но»! Огромный конкурс и сильные конкуренты смутили меня. И тогда... я подала заявление на вокальное отделение. Правда, и здесь конкурс оказался — зажмурьтесь! — шестьсот человек на двадцать мест. Однако экзамены сдала успешно.

— До поступления в консерваторию я прошла хорошую школу по вокалу, занимаясь у прекрасного педагога Ужгородского училища Мячиной, которая много внимания уделяла постановке моего голоса. Только благодаря ей я и оказалась среди тех двадцати счастливых...

— Ужгород, Москва, а с шестидесяти второго года Минск. О первых двух пропусках вы уже рассказали. А третья?

— В минский театр я приехала по приглашению дирижера Иосифа Самуиловича Абрамиса, который прослушивал наш выпуск. От людей сведущих я тогда знала, что в театре работает хороший режиссер Дмитрий Николаевич Смолич. А для меня самым главным в ту пору было поработать имен-

но с хорошим режиссером. Мне не могло быть безразлично, кто и как выведет меня на сцену. И я с радостью приняла приглашение.

— И ожидания оправдались: в театре многие помнят ваш удачный дебют.

— Дебют, дебют... Как это радостно! И как... страшно!

— Первый выход на сцену, и сразу — ведущая роль — Джилды в «Риголетто».

— Потом было много разных ролей, некоторые — лишь эпизодические.

— Такие, как партия жрицы из «Аиды» или половецкой девушки из «Князя Игоря»...

— Спасибо, что вы помните об этом. Каждый выход на сцену — это еще одна ступенька в творческой биографии артиста, поэтому солист, на мой взгляд, должен петь и небольшие партии...

— Мне запомнились и такие ваши эпизодические роли, как мать поэта из оперы Семеняки «Звезда Венера», Инесса в «Трубадуре» Верди... Однако в вашем «творческом багаже» двадцать пять ведущих партий! Расскажите о той, которая наиболее дорога вам. Есть ведь, наверное, и такая?

— В жизни нам особенно дорого то, что как-то связано с тем или иным шагом вперед. Так ведь? Я долго не могла сделать того шага, о котором мечтала. И знаете, что мне мешало? Мой голос! Его характер предполагал в основном персонажи легкие, игривые и... в некоторой степени облегченные в драматическом плане. Как я переживала, что у меня не драматическое сопрано! Мои Сюзанна, Розина — партии чисто колоратурные. В них, конечно, можно показать возможности голоса... Но нет в них того эмоционального напряжения, которого мне так не хватало! И вот поручили мне партию Лейлы в опере «Искатели жемчуга» Бизе. Это — словно глоток свежего воздуха! Наконец-то открылся мир драматических страстей, эмоций! Эту роль я очень любила. Жаль, сейчас ее нет в нашем репертуаре. Это было мое первое, если хотите, открытие.

— А вторым стала Виолетта из «Травиаты»? Она больше похожа на Лейлу, чем на Сюзанну и Розину...

— Верно... Пою эту партию уже давно, и каждый раз переживаю судьбу героини за-

ново. Здесь есть все... Виолетта трогает исполнителя. Когда я проходила в оперном классе сцену из второго акта — Виолетта знает, что ее счастье разрушено, что она должна покинуть Альфреда навсегда и, вместе с тем, старается быть веселой и беззаботной, ничем не выдавать своих чувств — я не могла спокойно петь. Мне было жалко ее... Я понимала, что не то чувствую...

— Действительно, дело здесь не в жалости Виолетты к самой себе...

— Конечно! И поэтому мне очень важно было найти такое внутреннее состояние, чтобы было искренне, но без слез.

— Недавно слушала вашу Виолетту в театре. Все было так естественно, просто... И еще удивляла ваша удивительная раскованность.

— Это дается не сразу. И непросто. Помню, в оперном классе я сначала даже стеснялась, мне было стыдно играть: боялась, что надо мной станут смеяться. Как ни странно, но помогла мне раскрепоститься... рампа. В классе, стоя у рояля, я чувствовала себя скованно, но, выйдя на сцену, ощутив дыхание зрительного зала, совершенно преобразилась. Такая вот странность...

— Теперь, когда найдена долгожданная свобода...

— Сейчас волнует другое: как, имея эту свободу, донести правду образа до слушателей? Помогает музыка... Она и только она, на мой взгляд, основа внутреннего понимания героинь. Никакой источник не даст певцу большей информации. И манера поведения, и характер мимики, жестов — все от музыки. Актеру нужно быть лишь гибким, чутко улавливать ее «требования».

— А полагаетесь ли вы в создании сценических образов на интуицию?

— Да, иногда позволяю себе довериться интуиции полностью. И она еще ни разу не подвела. Так, когда мне поручили партию в «Реквиеме» Верди, я подготовила ее совершенно самостоятельно — избегая прослушивания грамзаписей. На репетиции выяснилось, что мое ощущение этого произведения оказалось абсолютно точным.

— «Реквием» — не единственное, над чем вы работали совместно с Минским камерным оркестром. Месса Шуберта, оратория «Времена года» Гайдна, Девятая симфония Бетховена... С ансамблем

«Кантабиле» исполняли музыку Генделя, Перселла, Перголези, Букстехуде... Будет ли продолжено это прекрасное содружество?

— Надеюсь. Я с радостью принимаю участие в концертах. Сейчас готовлю одно из неизвестных сочинений Гайдна — мессу «Нельсон».

— Эта премьера еще впереди. А вот недавно в театре прошла премьера «Свадьбы Фигаро» Моцарта...

— Моцарт, кстати сказать, мой любимый композитор. А Сюзанна из «Свадьбы Фигаро» — моя первая роль: пела ее еще в консерватории. И поэтому само участие в спектакле — для меня счастье. Но... счастье трудное. Особую сложность вызвало ансамблевое пение — необычайно сложное. Чувствовать партнера, быть гибким и технически совершенным, соблюдать баланс в пении — к этому стремился весь наш коллектив. Очень помогла стройная игра оркестра под руководством Льва Поликарповича Ляха.

— Людмила Ивановна, как-то уж так складывается наша беседа, что через нее, я заметила, красной нитью проходит мысль о преодолении тех или иных трудностей — вот даже ваша веселая, задорная Сюзанна оказалась «трудным счастьем»...

— Все правильно. Труд — всегда труд. «Хлеб» оперной певицы никогда не был легким.

— Не жалеете, что изменили своей «первой любви», — не стали пианисткой?

— Ну что вы! Сейчас мне даже трудно представить свою жизнь без пения. И не изменила я своей «первой любви». Рояль и теперь — мой верный друг. Он помогает мне разучивать партии. Я сама себе — домашний концертмейстер.

Беседу вела
И. ГИЛЬ.